

Светлана Фина
История в
зеленых
листьях

Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»

Светлана Нина

История в зеленых листьях

«Автор»

2019

Нина С.

История в зеленых листьях / С. Нина — «Автор»,
2019 — (Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»)

Роман взросления о девушке, которая переживает переезд в большой город и ностальгию по своему отрочеству. В поисках нового опыта она вторгается в загородный дом благополучной пары, спасшей ее от смерти. С каждым днем трое все больше погружаются в девиации и обсуждении тайн, которые они вовсе не хотели бы раскрывать.

© Нина С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	11
6	12
7	14
8	16
9	17
10	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Нина

История в зеленых листьях

1

Она остановила велосипед. Кажется, здесь... за беспардонно разросшимися кронами. В краю затянувшейся неги и замершей тревоги.

Покалывала внутри совсем прежняя тронутая холодком кристалльность неба. И повисшая в воздухе угроза умирания, следующая за этими пленительными вечерами с гусиной кожей по ногам. А дальше, за северными просторами, не разбирая времени года, в черную бездну уплывала Нева в мороке дождя.

Мира уселась на землю и принялась ждать. Ветер вяло колыхал необъятные деревья. Слишком хорошо после месяцев заточения в Петербурге, после осязаемого тумана, растворяющего даже гранит. После движущейся чешуи рвано замерзающей Невы и раскатов новостроек вдали. После дымки, обхватывающей берега, уносящей в небытие. Так бы и просидела здесь весь день под отдаленный шепот Тургенева...

– Приехала? – послышался звучный голос.

Мира нехотя подняла глаза. Ожидая увидеть сломленного неврастеника, она с удивлением обнаружила на нем румянец загара.

– Как видишь.

Он тяжело вздохнул.

– Зачем?

Мира молчала. Она не знала ответ.

– Ты поранилась.

Он опустил и воззрился на царапину, разрывающую ее ногу на две неравнозначные части. Мирослава апатично наблюдала за ним. Однородный массив торса и крепких ладоней навел ее на толчок воспоминания, но видение быстро рассеялось. Когда-то этот человек, как и прочие, значил очень много и служил предметом для подпитывающих умозаключений, не обязательных к воплощению. А теперь устаивался воспоминаний с непременным покалыванием, как от чего-то неприятного, досадного, что хотелось похоронить в памяти. Каждый ушедший человек был оторванной частью чего-то, без которой она беднела и вынуждена была брести дальше, на новые земли, в новые кабинеты.

– Поговорим? – с сомнением спросила Мира.

– Что же ты это не спросила по телефону?

– А ты бы ответил?

– Сомневаюсь.

Арсений молча продолжал сидеть на карачках. Как всегда, колкий даже без произнесенного. Не знала бы она его подноготной, вполне бы продолжала верить в изначальный его шлейф умиротворенного дядюшки, с которым, может, и желанно пересечение грани, но оно никогда не состоится. А ведь при знакомстве с ним ее взбудоражила приобщенность к истинно мужскому закрытому прежде миру. В юности Мира и представить не могла, что так непринужденно будет обращаться с квинтэссенцией собственных подростковых романтических устремлений. Но теперь мужские разговоры мерещились предельно скучными и хвастались лишь дешевой злободневностью.

– Ты слишком распоясалась.

– Не тебе меня сдерживать.

– А что, если мне?

На Миру пахло чужой жадой регламентировать. Кривой и шершавой, как выступающие здесь повсеместно корни деревьев. С этой жадой отлично гармонировало ощущение смутной тревоги, исходящей от его процветающего тела.

– Знаешь, я в какой-то момент начал жалеть, что вытащил тебя из той реки.

Лицо Миры сокрушенно вытянулось. Но закостенелая привычка сворачиваться в скорлупу при обнаружении чьего-то безразличия в свою сторону возобладала и сейчас. Быть может, эта самая привычка и служила причиной охлаждения ее отношений с теми, кто, казалось, сросся с ней. Сросся – и исчез. Она научилась принимать это как необратимый закон.

2

Они добрались до вершины холма и устали на стыки домиков внизу. Часть домиков была полузаброшена, часть даже не достроена. Но некоторые так и пухли от благоденствия Собакевича.

– Ты за конкуренцией с ней сюда пришла, – заключил Арсений с потенциально неопровергаемым видом Дамблдора.

Мира нахмурилась. Она уже так давно не утруждала себя быть милой, что даже допустила сожаление по девочке, которая когда-то красила глаза.

– Какого же ты мнения о себе... А хочешь правду? Да от жалости к тебе. Как бы ты не сбрендил тут без нее.

– Это придает тебе силы. Твое упрямство. Из-за этого ты и карьеру делаешь – доказать бабушке, что ты не хуже двоюродной сестры. И чтобы сестре в нос закричать, какая ты преуспевающая, что покупаешь дорогие кроссовки.

Мира спросила себя, почему порой уже бродящие в боли головы фразы до цели могут пройти только через строптивость видения другого.

– Знаешь, гораздо хуже, если тебя вообще ничего не волнует, никому не хочется утереть нос.

– Для выскочки это ожидаемый ответ.

Реальность без приятной припорошенности иллюзий вновь восстала перед Мирой.

– За твоей напыщенностью – обыкновенная слабость и страх, – отозвалась Мира сниженной громкостью. – Но заложенность образа не дает тебе хотя бы ослабить актерскую игру.

Не влюбленный и друг, а жадный свидетель личности Арсений, чье одобрение Мира алкала еще недавно, недобро перевел на нее за минуту до этого такой величавый взгляд.

– Дружба двух гордых женщин едва ли может длиться долго. Потому что одна обязательно ущемит вторую, а та этого не забудет. Что и произошло с вами. Так я и думал. Это только сперва накапливались ваши нежности.

– У нас все великолепно. Это ты жалкий и никому не нужный.

– Не преувеличивай. Мне от вас обеих только одно было и нужно.

– Ты лжешь. Альфаши теряют все с мужской привлекательностью. А ты и не альфаши вовсе, просто прикидываешься.

Арсений захохотал. Но Мира хотела верить, что он тревожно закусил травинку, жестоко оторванную у земли.

Мира смотрела вниз со своим извечным отрешенным выражением. Его прерывало только неудобство озвучивать собственные мысли, которые казались косноязычными, едва вылетев изо рта.

Арсений был уверен, что развивает ее. Но в ней же разлился неподвластный и непонятный ему, да и ей самой океан. Преуспев в учености, он потерпел крах в иллюзиях чужой души.

– Ты ненавидишь меня теперь? – спросила Мира.

А он невозмутимо отозвался, будто ожидая подобного.

– Нет. Я не ты.

Мира потерянно улыбнулась. Ее охватило двойственное чувство, что причиняющие ей боль люди активно пытаются выставить ее виноватой.

3

Она одна шла по этому чертовому мосту над прозрачным лезвием воды, по касательной от затемненных дымкой пролесков рассеянной зелени. Затерянные в глуши крон трамвайные остановки в спину постукивали колесами.

Едва не завывая от обиды, что он сейчас сидит в уюте родительского дома – вот как она на самом деле дорога ему. Вместе с тем ночь была предательски хороша. Пряный и влажный воздух растворял в себе, как чай. Разительный контраст с упущенной красотой Петербурга и урывками поездок за город, не способных рассеять общего каменного колпака.

Брела сквозь тернь заглушенного запаха упадка лета, помутневшей темноты водоемов. Было ли ей хорошо без него? Было. Но, как только рассеялась беззаботная эйфория девичьего щебета, сгрудились над ней древние обиды. Обиды на то, чего в принципе не существовало. И Мира ненавидела Тимофея, ненавидела себя за то, что вообще думает обо всем этом в таком шальном ключе. И тут же бешено, безрассудно цвела надежда, что он выскочит из ближайшего поворота, обнимет ее и окутает безумной магией своей лупоглазости. В нем столько энергии – прикоснешься, и словно перенимаешь ее, греешься об этот не иссякающий реактор. Именно то, чего так недоставало Мире, ведь последние годы она тщательно ограждала от рассеивания о жадных других свою и без того не впечатляющую энергию. Все больше она сама пиявкой присасывалась к тем, кто чем-то пленял, и наматывала вспышки их сознания на собственное веретено.

Но он не выскакивал. Наверняка спал своим проклятым бесчувственным сном, не различая шуршаний вокруг. Мирослава в бешенстве захлопнула входную дверь.

– А, ты уже пришла, – раздался из жерла дома искомый голос.

– Как видишь, – сквозь зубы процедила Мира, сверкая мерзлым взглядом, который направлялся куда угодно, но не появившегося в дверном проеме Тима.

– Что такое? – настороженно спросил он.

– Что такое? – издевательски переспросила Мира.

Повисла тишина. Невинный вид Тимофея окончательно доконал ее.

– Что такое?! Я перлась сюда по темным улицам! А ты восседал тут и даже не подумал меня встретить!

– Ты не просила...

– Это просто какой-то кошмар! – закричала Мирослава на весь мир, создавший какие-то правила, на Тимофея, который не желал их нарушать, на собственное тотальное бессилие получить желаемое.

Она бросилась на лестницу. Тимофей побежал за ней.

– Да что с тобой такое? – в свою очередь заорал он.

– Не твоё дело! Оставь меня в покое! – Мира закашлялась задушенной речью.

– Что – то случилось с девочками?

Он держал ее за плечи, а она невидящим взглядом смотрела в половицы.

– Нет.

Тимофей обнял ее. Мира зло вырвалась.

– Поздно! Раньше надо было думать!

– О чем?!

Мира вырвалась и со всей силы влепила ему пощечину. Он скрутил ей руки.

– Ненормальная! Успокойся!

Как Мира ни пыталась, унижение и боль проступили наружу через глаза. Она начала рыдать. Сначала бесшумно, затем с уморительными всхлипываниями.

Тимофей выпустил ее запястья и беспомощно начал причитать:

– Ну же, перестань. Пожалуйста, не надо. Милая.

Эти слова только спровоцировали новый поток запертой любви.

Серебром обдающий лунный свет, мысом продолжающийся в никуда, отблескивал в кухонное окно. Вверху от него жалобно таял подсвеченный самолет.

Тимофей начал гладить ее по голове, по щекам, прижимать к себе. Через тонкую ткань ее лилового платья проступало тепло живого. Живого, которое он не должен был делать частью своего, хотя Мира удивительно совпала с его стремлениями и чудаковатым юмором, обидным для неуверенных людей, готовых оскорбляться на весь мир за собственную несостоятельность.

Как несправедлива жизнь, что они встретились только сейчас, будучи связаны узами крепче обещания кому-то еще! Лучше бы не встречались вовсе. Сколько было шансов, что они просто до конца жизни будут созваниваться по праздникам...

Он начал целовать ее щеки. Мира в ответ вцепилась в его плечи своими коротко стриженными ногтями. Не отдавая себе отчет в том, что делает, Тимофей перешел на непознанный водоворот ее губ, пахнувший теплом и апельсинами. Наверное, в кафе она ела какой-нибудь разрекламированный пирог, на заказ которого ее подначила заводила их компании... Странно, но он больше не чувствовал стыда и страха.

Над ними распласталась магическая ночь. Близняшка тех, в которые совершались тайные ритуалы и создавались легенды. Безумства предков, воспринимающихся безгрешными истуканами, проступили через шлифовку социумом. В конце концов, кому и что они должны? Разве он в ответе за свою безудержную энергию, заражающую других? Главной фобией Миры стало то, что Тим исчезнет, оставив после себя все как прежде. Никому не нужное пустое прежде взамен цветочных разводов своего существа. Их похожесть придавала совершаемому что-то сакральное, запретное, только их собственное и ничье больше. Такая юная, такая его родная. Лучший друг, соратница, сестра...

Мира предпочла просто отключить разум, оставив себе лишь пожирающий мир чувств и прикосновений. Пусть Тимофей сделает с ней все, что хочет, лишь бы хотел. Его упругое тело плясало с ней в каком-то пугающе гармоничном танце. Это было вовсе не то, что с другими. Не ободранное утешение инстинктов и злорадство в мегаполисе. А растворение в терпком вкусе приоритетного существа. Впервые Мира чувствовала такое тотальное единение с чужой душой. Не было больше ни ее, ни его, лишь они – исконный феномен редкостного совпадения духовной и физической близости.

4

– Меня всегда парализовало, что у людей были отношения до меня. Не могу принять факта, что другие обладают сознанием и волей. Это эгоизм. И это страшно.

– Паталогическое одиночество существования – вот что страшно на самом деле, – без опасения прозвучать фальшиво ответила Варя. – Все мы обманываем себя, что кому-то нужны – семье, любимым, друзьям... Но заточены каждый в своем личном аду, из которого никто вытащить не способен.

Они замолчали с уже знакомым унынием, накатывающим на обеих при подобных выводах.

– Знаешь, раньше я мало что понимала. А теперь научилась смотреть на вещи более трансцендентно. Все в человеческом социуме более-менее легко объясняется – предпосылки каких-то действий и особенно воззрений. Много так или иначе уже было. Корни нашего поведения очень часто даже не в семье и детстве, а в тысячелетиях человеческой истории.

– Та еще жуть.

– Почему?

– Потому что история эта не блещет человеколюбием.

– Но времена меняются. Посмотри на Скандинавию, – Мира приподняла брови в несогласном удивлении.

– Времена меняются медленнее, чем нам бы хотелось. Прогресс почему-то не останавливает грязи. Все мы милы, пока относительно сыты. По европейцам это прослеживается особенно доходчиво.

– А миллионы людей сделают все, лишь бы оставить сложившийся порядок вещей, потому что остальное предполагает какое-то напряжение, пересмотр взглядов. Это выбрасывает их из зоны комфорта. Им лень. И они агрессивны в сторону тех, кто что-то делает. Почитай комменты о любом преуспевшем человеке, сколько там яда.

Варя слушала эти полудетские изобличения не без удовольствия, думая, что даже искренние мысли типичны на выходе.

– Другие люди и не обязаны подчиняться нашей логике. Да и своей тоже.

Мира улыбнулась, опасаясь рассыпать это волшебство. Но все же добавила:

– Природа и социум – две составляющие личности.

– Это только так кажется. В личности должны быть вселенные, океаны. Мало быть хорошим специалистом или хорошим человеком. Мы же все равно руководствуемся в итоге чем-то интуитивным. Возможно... Возможно, мы вообще переоцениваем свой вклад в собственную душу. Быть может, она и правда – нечто вечное.

Думая о Тиме, Мира перескочила начавшую быть какой-то неприятной тему.

– Мы как-то подсознательно понимаем это... И ищем себе родственную душу. Это мечта со времен основания мира. Это древний миф о раздвоенности человеческой души.

– Ты наивна. Между людьми пропасти.

– А ты пессимистична.

Варя как-то странно посмотрела на Миру.

– Может, просто хочу такой казаться перед самой собой.

– Пессимисты не работают над собой. Они просто прикрываются тем, что все ужасно, значит, и работать нет надобности.

– Быть может.

Мира почувствовала раздражение. Столько изгаляться и получить безразличный ответ!

5

– Может, мы себя по-новому строим сейчас. Говорим – и лепим себя по подобию произнесенного. Облекаем энергию в обертку понятных слов.

Варя зажмурилась, с удовольствием обдумывая эту мысль. А Мира, охваченная упоением ее присутствия, когда так ясно соображала голова, продолжала:

– Мне сносит крышу от того, что каждая жизнь, комбинация людей, книг и событий в ней неповторимы. К черту теорию мультивселенной. То, что видела и думала ты, никогда не повторится в тех же сочетаниях и той же окрашенности. Ровно как и не повторится ничего из жизни того, кого ты знаешь и не знаешь. Только вот ему в голову залезть можно только через слова, да и то только если пустят. Лично я безумно завидую тому, что видят другие. Хочется чужим опытом заполнить пробел узости своего.

– Только некоторые и не замолкают. Тут можно и не гадать, что у них в голове – все преподнесут на блюде. Только слушать особо не хочется.

Мира хохотнула.

– Как-то меня назвали слишком рациональной, – продолжила Варя живо.

– Могли бы похлеще назвать, – прыснула Мира.

– Не понравилось, что я подобное озвучиваю. Я, видите ли, должна быть стереотипно сподручной.

– В наше время ты либо рациональная, либо дура, – убежденно сказала Мира. – А я идеалист, но лишь в сфере чувств. Во вселенной ничего идеалистического быть не может, она расшифровывается математикой. Даже то, что мы называем чудесами или интуицией, рано или поздно возведется в четкий описанный алгоритм. Переломит и снобизм ученых голов, и невежество примет.

– Сомнительно, что когда-то это расшифруют.

Мира рассмеялась.

– Все же твой пессимизм невыносим.

– Я к тому же меланхолик.

– А я оголтело пытаюсь перебороть меланхолию, особенно зимнюю сонливую. Слишком легко погрязнуть в темноте, если только позволить себе слабинку и хандру.

– Может, ты просто сильнее.

– Ты такая... тонко настроенная, все ты понимаешь... Ты не можешь быть слабее.

Обе с пониманием улыбнулись.

– А ты – как Солнце, – с истонченной улыбкой добавила Варвара.

Мира зарделась путанным восторгом от похвалы. Вот оно – наконец-то ее теплое отношение к кому-то отразилось на нее самой, а не кануло в небытие.

6

– Я никогда не могла поверить, что другие счастливы тому, что у меня вызывает приступы паники и омерзения. Будто я усиливала чувства, которые, по моему мнению, должны испытывать другие. Будто я счастье допускала у себя, но не у них.

– А я, напротив, тушу свои, – отозвалась Варя.

Мира тревожно посмотрела на собеседницу.

– В природе все выстроено потрясающим законом круговорота. Тут говори – не говори, запрещай – не запрещай, а твоя отправленная энергия нигде не рассеется. И от этого порой реально страшно, как будто тебя неотвратно преследует расплата за то, в чем ты не уверена. А никто не дал тебе реального талмуда, как жить. Пытались, конечно, прихлопнуть книгами, которые некоторые зовут святыми... И думаешь – к чему все эти усилия? Уехала бы сейчас в Индию просветляться. Может, счастливее бы была.

– Мы живем, чтобы восхищаться жизнью, быть за нее благодарными... Только это имеет смысл, только это оправдывает рождение детей. Если не понимать, зачем они рождаются, выталкивать их на свет – преступление.

– Никто не понимает.

– А любовь? – с сомнением спросила Мира. – Это ли не смысл сам по себе? Как и наполненность каждого мига красками, запахами, звуками, лицами. Смысл, который мы и передаем своим детям без пафосных речей и оправданий. Смысл не может быть в чем-то одном, как не может быть односторонним ни одно чувство.

– Может, любовь – только побочный эффект познания.

Мира погрузилась, как бывало часто, если не удавалось найти в собеседнице желанный ответ.

– Как ты можешь говорить такое? Любовь – основа всего.

Варя обнажила зубы. Мира против воли испытала раздражение.

– Всякое можно говорить, устав. Все, что мы разводим, в любом случае – лишь треп.

– Но из таких разведений и складывается жизнь.

– Если ты так воспринимаешь любовь, тогда любить надо всех. А я не могу.

Мира изумленно взирала на Варю. Совершенство... обнажившее человеческую черствость в недозрелости суждений.

– Если умеешь ненавидеть одного, любовь к другим-притворство, преломление собственной личности через уродливое стекло Снежной Королевы, – продолжала Варя. – Или вывернутый инстинкт собственничества. Как к мухе относишься, так и к человеку будешь. Это кажется сумасшествием, но это одна из основных задач нашего пребывания здесь. Потому что нет ничего легче, чем любовь к родственнику или подходящей для размножения особи.

Варвара замедленно провела ладонью по щеке и остановила пальцы на подбородке.

– А я все чаще думаю, что не хочу, чтобы кто-то мучился по моей милости. Я просто не потяну детей эмоционально. Они не заслуживают расти в таком мире. Нет такого запаса нежности во мне, чтобы все стерпеть.

– Но жизнь сочится... Даже в искусстве – столько выплеснутых душ, которые остальным помогают обрести смысл. Да, материально нам всем тяжело. Хотелось бы просто не думать об этом, наконец. А мы тратим на заработок столько своего времени...

– Но мы же и учимся при этом.

– Хотя да, ты сама говорила, что не работать тебе скучно.

– А, может, я поменяла мнение и теперь хочу на пенсию. Невозможно заскучать наедине с собой. Столько еще можно узнать, исследовать, открыть.

– Люди, которые убежденно говорят, почти всегда неправы, – осторожно заметила Варя.

– Люди вообще никогда не правы, как и мы с тобой. Понять это – значит понять человечество. И будущие ошибки. Не особенно – то мы на старых учимся.

– Иногда кажется, что это чуть ли не от скуки. Знаем, к чему идем, но остановиться не желаем.

7

Мира остро запомнила мучительность того путешествия. После него дом уже не был прежним. А навязчивое ощущение хода времени и его безвозвратности только обострилось вдали от привычной среды обитания.

– Ты любишь нарушать правила, – сказал Тим ей у трапа самолета, предназначенного выкинуть их обратно в монолитный массив сожалений и словно мстящего за что-то ветра.

Мире хотелось лишь молчать, чтобы в прерываемом сне добраться до собственного дивана и расплескаться по нему.

– Тебя заводит мысль, что ты плохая девочка, что ты исключительная, раз можешь переступить через что-то. Но ты не плохая. Тебе просто скучно. Ты из меня хочешь мою жизнь вытянуть. И разрушить ее, не думая.

Мира не верила своим ушам. Ей никогда не было скучно с пятидневной рабочей неделей и кучей увлечений. Реальность фонтанировала настолько, что своим переизбытком будто забивала личность и мечты, не давая им пробиться. Все больше хотелось просто задернуть шторы и не вылезать в нее.

– Ты сам всегда говорил про смехотворность правил...

– Значит, ошибся. Не все так однозначно. Ты сама любишь повторять это.

– Ты струсил, – нежеланно догадалась она. – Нарушился баланс твоего удобства.

– Есть вещи важнее юношеской потребности идти наперекор всему.

Мира почувствовала, как тяжело стало дышать. Она была убеждена, что он ее друг, что они двое против всех, Сид и Нэнси, Исида и Осирис... Она ведь тоже способна воскресить силой своей самоотверженности. Отозваться на любовь – уже быть влюбленным. А он же тогда отозвался! Эта завораживающая рок-н-рольная связь должна была родить нечто долгосрочное, непримиримое против остальных... То, о чем Мира столько мечтала, создавая себе воображаемых друзей в противовес тем, которым всегда чего-то недоставало, и со временем они растворялись где-то в пучине двадцать первого века. Тим так привлекал своей особостью, непохожестью на нее, дополняя ее суждения околтелым юмором и пропуская в закрытые для нее прежде темы. Но, должно быть, она зря возложила на него столько надежд.

«Меня заводит не мысль, что я плохая, а ты...» – жалобно думала Мира после тирады. Тим мрачно приткнулся к иллюминатору, под которым проплывали вырезанные лоскуты полей и сосуды рек. Всклокоченный, статный. Постыло склонив голову, которая так часто запрокидывалась назад в приступе хохота. Он не стеснялся. Над ним не властвовали законы общества. Он был свободен. Так казалось... Он что есть мочи кричал, обращался к случайным прохожим, высмеивал религии... Мирослава обожала его за это. Благодаря этому Тим перерастал для нее обыкновенную жажду чужой плоти во имя процветания своей.

Она согласна была отдать мужчине пальму первенства лишь в одном – потребности блистать. Она не обладала даром увлекать. Ее никогда не бывало слишком много. Для этого ей казалась необходимой определенная внутренняя распушенность и даже неуважение к себе – раскрываться навстречу кому-то, кто не способен оценить.

А вот самовлюбленная наглость Тима обезоруживала и даже вызывала умиление, потому что в добавок приправлялась самоиронией. И одновременно раздражала. Как он смел иметь эти широкие плечи и абсолютное бесстыдство? Рядом с ним Мира часто думала о поправленной справедливости, что не может позволить себе такую же степень свободы.

То, что на миг показалось достижимым миром, уже накрыло своей безвозвратностью. Осень запятнала деревья, вгрызлась в поникшие листья. Неизменное начало конца природы придавало дням эту горько-острую прелесть. И все рано или поздно переместится в прошлое,

как и их этот отпуск, как и все через переправу ее двадцати пяти лет... Как скоро наступит миг, когда впереди не останется ничего? И насколько бесконечно жутким он будет?..

Мира с несвойственной ей отчетливостью помнила, что Тим говорил еще, как предлагал ей раф, забирал сумки, сажал в метро... Она устала, бесконечно устала. Ей было все равно, как и когда она доберется до дома, проложенного через Неву. И доберется ли вообще. Сочащийся восход тоскливо покалывал талую красоту города и неразличимые очертания пара вдали, где-то на границе фаз. А осколки нарождающегося солнца прятались в распластанного дракона, покрывающего Неву.

После ослепительного солнца юга, от которого болели глаза и плечи. После босых прогулок по пляжу и тихих поцелуев под завораживающий шум невидимых, но опасных волн внизу, сурово шепчущих людям свою околдовывающую песню. После растворенного в воздухе счастья под застенчивое мерцание маяков, в ряд выстроившихся вдоль прибрежного городка. После задернутых штор в их номере и совместного обряда смывания пляжного песка. Ее отвлечение к обнаженному мужчине как к чему-то чужеродному, что способно нанести вред и привести к нежелательным последствиям, сдалось под напором смутного желания, чтобы ее наказали. Все было не так страшно под защитой бледно – голубого купола сумерек в момент, когда море становится таким же серебряным, как нагретое небо. Тотальная свобода и отсутствие дум о том, что будет, когда придется покидать эти в закатные минуты пугающе мегалитически проявляющиеся горы. Тим так же старательно обходил эту тему, как и сама Мира.

8

Она не помнила, как и с каким лицом ехала в лифте. Она не помнила, зачем. Она даже не замечала обращенных на себя испуганных взглядов. Наверное, видок у нее был заоблачный. Ну да какая разница теперь.

После изматывающего страстью и жарой лета по возвращении в Питер в ловушку захлопнул дождь. Показались изуродованные городом пейзажи с низкорослыми двориками расцвета Союза. Все вокруг было изъедено какой-то вековой, уже ставшей частью набережного гранита пылью. Из жизни разом исчезли радость, красота и желание будущего – самая необходимая деталь. Утром не хотелось подниматься с широкой постели, заправленной простыми светлыми простынями. Не хотелось даже пить свежий кофе с булочкой. Не хотелось выбираться из квартиры под боль в мышцах и тяжесть в голове. От напичканного людьми Петербурга было не укрыться даже во дворах-колодцах, обшарпанных грязно-желтым, где ей уступали дорогу подвыпившие и изрядно потрепанные интеллигенты.

Грусть разливалась повсюду, прорастая наружу маленьким кустом из плеча, который не получалось выдрать с мелкими беленькими корнями. А еще ночными огнями Смольного, утопающими в глубинной черноте Невы через ослабленные капли на окнах такси.

Черт возьми, как она, Мира, выросшая на тех золотистых просторах под вечернее чтение истрепанных народных сказок, могла скатиться до такого? Это не ее жизнь, не ее желания. Это лишь какая-то навязанная проклятая игра, которую она вела, до конца не понимая, насколько чужда этому.

Родные края оказались искаженно заточены внутри обрывками мгновений. Воссоздавали утопичную картину взросления и счастья вхождения в жизнь. А сколько фраз, глаз и фотонов навеки кануло в забвение... Без семьи, которая прежде так тяготила своими непрошенными комментариями о ее внешности и друзьях, Мира сейчас чувствовала себя особенно потерянной и ненужной. Хотелось бы сейчас возни, смеха, как в завязке многолюдного английского романа или хотя бы лживо подсвеченного рождественского фильма об американском пригороде.

Наверное, ей стоило ходить в детский сад, чтобы знакомство с людьми не переросло в истовую юношескую ослепленность ими же. Дурную шутку здесь сыграла с ней повышенная доверчивость к писанине экзальтированных социофобов. Но взросление сменило акценты с неподдельного интереса к людям на утомленность, чему способствовало несколько болезненных историй расставаний с теми, кто, казалось бы, был близок и как никто необходим. Потому что все это уже было – скovyрнувшиеся общие интересы, пересечение каких-то убеждений... А затем неизменное исчезновение без объяснения причин. Просто пошли своей дорогой, сделав ее черствее.

9

Смеркалось. Ее летящее платье невесомо облепляло пропитанную летним воздухом кожу. Именно тот летний воздух и та кожа, сочетание которых возможно только на третьем десятке. Страшно было подходить к двери. Она растаптывала прошедшие часы истинно юношеского счастья, пригвождая к неотвратимости двигаться вперед вместо того, чтобы желанно оставить все прежним.

Между ними установились в тот день самые доверительные отношения. Но Мира не могла кристально наслаждаться компанией и пригородными садами. Тим шел рядом и балабол о чем-то, золотистый, юный. Может, мечтающий в этот момент о какой-то девице, оставшейся там, в его жизни до нее. Мучительное, цепляюще-изматывающее, неповторимое чувство, доводящее едва ли не до экстаза...

Эти пологие глаза цвета неба. Частица нее самой, заколдованным образом вклинившаяся в ее судьбу. Редчайший архетип понимающего мужчины, призванного не размозжить, а помочь.

Она тронула его за плечо и обхватила длинной ладонью руку выше локтя. Упругую, твердую часть молодости. Тим рассмеялся. Как мучительно было не видеть в ответ надежды! Только безоблачный отсвет юности и желания жить.

Они подошли к тени от огромной березы, за которой притаился родительский дом.

– Они, наверное, уже поужинали.

Недостижимый... и потому втройне желанный. Но лет ей уже не так мало. Хотелось больше, чем когда-либо. Прошлые расширили понимание, что мужчина может дать что-то кроме неуверенности в себе и бесконечного ожидания. Сердце пухло в груди, захватывая окружающие ткани и одаривая организм окситоцином.

Когда-то хотелось самостоятельности, материализма. Ходить с девочками в кафе, смеяться, а вечером желанно оставаться одной в квартире, обставленной с аскетизмом и скандинавским пренебрежением к бараклу. Пожить в реальности пожила, а оказалось, что тяжело это, и времени отнимает бешено. Позволяет реже прикасаться к сокровищницам человечества. Ведь все, что окружало ее, когда – то было лишь идеей или вовсе не существовало и уплыло, не обретя огранку материального.

– Да-да, – прошептала Мира и потянулась к нему в дурмане нереальности.

Она испытала жалостливую грусть, что эти нежные и крепкие руки достанутся какой-нибудь несмышленной девице... И они станут приезжать на выходные. Не легче ли присвоить его, хоть это и кажется нереальным? И тогда с ней он будет откровенничать и веселиться под гнетом сумерек.

Он с благодарностью обнял ее в ответ. Его сердце не стучало учащенно, как у тех мальчиков, с которыми она бывала наедине в комнатах с потушенным светом, когда они доводили начатое до конечной точки. Парадоксально, но близость с ними нравилась больше их самих. Безответные чувства – самая пленительная область искусства. И самая лживая.

Он обнял ее по-братски. А она добралась до его губ. На мгновение причудилось, что все состоялось.

Тим отпрыгнул, с силой разорвав объятия. Ошарашенная, Мира стояла под подернутой холодком дыма луной.

– Не говори ничего, – отчеканила она.

– Я...

– Не говори! Я все поняла!

– Но я ничего не понял!

Мира со страхом заглядывала внутрь себя. Привыкшая делать это, чтобы облегчить собственную жизнь, теперь она ужаснулась смятенности своих ориентиров.

Уже со второй встречи у них начались бешеные отношения. Они по-дружески дрались и оскорбляли друг друга. Тимофей, любитель красоты и процветания, не опасный, а даже трогательно-беззащитный, располагал к себе с первого благозвучного предложения. Колкий и лукавый, он раздражал своей громкостью. Мира развязно разговаривала с ним, не применяя тех фильтров, которые обычно используют люди в разговорах с посторонними или даже своими.

Дело было не в статусе, не в физиологии, а в неутолимом чувстве собственности и невозможности помыслить, что он может расточать себя кому-то другому, пока она не у дел. Может, Мира слишком мало знала мужчин и даже в близких предпочитала видеть не их самих с их пороками, а отражение себя и созданного в отрочестве психотипа. Несмотря на новомодное своеволие, Мира так и не смогла изгнать из глубин подсознания тошнотворный образ мужчины – избавителя и защитника. Будучи воспитанной умными женщинами, она понимала опасность играть с хозяевами планеты.

10

Для этого времени года река была подозрительно теплой. Ее зеленоватое течение опутывало ноги шелком желанных прикосновений. Хлопковая юбка вздулась и потемнела, к ней прилипли водоросли. Елозя ладонями по воде, Мира думала, как славно вытравить из себя неотвратимый крах последних дней. Всегда такая вежливая, предупредительная... она бы усмехнулась сама над собой, если бы могла.

Закончить... как заманчиво. Простота этого решения разом перекрыла чудовищность произошедшего. Если бы не страх потустороннего, куда проще было бы сделать это. Страх узнать больше того, что было позволено органами чувств и о чем можно было догадываться лишь по косвенным признакам. Сделать и освободиться... а вдруг еще не время, вдруг она все вершила неправильно и теперь будет расплачиваться за свой поступок, совершенный в краткий момент слабости?.. Может, перерастет, рассосется, как прежде... зализется. Но боль в центре грудины была чрезмерно сильна при воспоминаниях о Тимофее. Настолько, что будто выпаривала кровь. Страшно, но она даже не злилась на него. Злилась бы – это бы существенно помогло в ярости обрести освобождение.

Брат... о котором она мечтала, взхлеб читая о династических притираниях средневековых монархов. Брат, нежданно раскрасивший эту странную домашнюю весну, плеск и метания мая. Брат, приведший к катастрофе.

Одинокий родительский дом заблестел, рассмеялся, как прежде, когда она училась в школе и водила на дачу подруг. Тогда каждый день был открытием – столько еще было непонятно и плохо исследовано. А на балконе, обращенном к полям и лесу, можно было целыми днями читать Мориса Дрюона из макулатурной коллекции бабушки.

Дом стал полной чашей. Выловились из сервантов хрусталь и фарфор. Все будто стали счастливее с приездом этого весельчака с непобедимой энергией, вдохнувшего жизнь в замшелые стены вымирающего русского дома. А сконфуженный отец заглядывал дочери в глаза, как будто прося о прощении.

Мира, любящая отца – с самого начала лучшего друга, сперва взорвалась. И у него, и у матери, она знала, существовали свои секреты, которые они не спешили раскрывать друг другу. Но чтобы так, поломанной жизнью кого-то еще... Она негодовала на отца, на ту женщину и на собственную мать, потому что та не только все знала, но и воспринимала случившееся с циничным философствованием. Понятно, за эти годы она вылила на отца такой ушат помоев, что уже, кажется, даже залезла в кредит.

Еще до свадьбы у отца была интрижка. Та женщина забеременела и родила этого потрясающе красивого мальчика, которого его младшей сестре было, тем не менее, жаль. И хоть Тим явился следствием случайной связи когда-то давно, как в «Старшем брате», удар для Миры был тяжел. Что заставило ее родителей продолжать жить вместе? Лицемерие, чувствовала Мира. Но не ей судить. На отца Миры не могла злиться долго – слишком свежи были воспоминания о его осязательной, полнокровной и яростной поддержке на протяжении всей ее жизни.

С отцом не было замкнутого круга. Он влиял на внешнее, земное. Мира не выбирала, как он, по его шаблонам, отпечатанным в подсознании. Мать же запечатлелась в митохондриях, в костном мозге. В самом разрезе улыбки и особенно – в восприятии.

Мира же для Тима стала будто прикосновением к миру утонченной сосредоточенности на собственной душе. Они нашли друг в друге недостающие осколки себя. Мира, изнывающая от разрыва прошлых связей с земляками – кто разъехался, кто напрочь ее позабыл – с осознанной радостью прошлых ослепленностей людьми протянула к брату ладони.

Сильный экстраверт, которыми она так восхищалась в юности и к которым все не могла подобраться, безраздельно перешел в ее властвование. Тогда она еще действительно пыталась

коллекционировать людей, не понимая их неизбежный уход. Расплавленное блаженство того лета вернуло ее неиспользованную частицу юности. Того самого, с чердаками и тропинками.

В очередной раз резануло от недалеких воспоминаний. От здорового запаха Тима, нетипично приятного для мужчины. В нем не было навязчивой маскулинности, отвратительности следуемым шаблонам. Не было даже желания притоптать, разрушить чью-то цельность, чтобы обрести успокоение и уверенность в собственной неотразимости.

И в миг Тима снова не стало. Где-то он есть, да что толку? Неужели все снова будет как прежде, без дружбы, без вдохновения? Лишь серый Питер и кофе с коллегами... Ленивый шелест дождя, бесцельное блуждание по вычерченным улицам. И мучительность мысли, что они должны быть едины, чтобы Тим никуда не ушел. Что они должны стать парой, чтобы не появился кто-то еще и не разрушил их союз.

Захотелось прекратить эту интенсивность. Если и чувствовать себя живой, то не так... Спонтанно прыгнуть в воду, плюнув на все земные связи. Ведь несколько последних десятилетий человечеству талдычили, как ничтожна планета вместе с нашими собственными жизнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.